

Марина
СЕРОВА

Снайпера вызывали?

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Смерть наяву
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167182
Снайпера вызывали?; Смерть наяву: Эксмо; М.: 2002
ISBN 5-04-001826-6, 5-699-00492-0

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марина Серова

Смерть наяву

Глава 1

Бешеные струи холодного осеннего дождя молотили по асфальту, порождая у населения запоздалые сожаления о сорокаградусной летней жаре.

Кажется, еще вчера ходили по дому, позабыв об одежде, ежеминутно забирались под душ, который с трудом можно было назвать прохладным – так прогревалась вода в трубах, поглощали литрами ледяную кока-колу – и все зря, все безуспешно.

Хотелось куда-нибудь на север, в Норвегию или Гренландию. Теперь уже не хочется.

Как пошутил один мой знакомый, русский человек не может быть нормальным при таком климате, когда природа бросается из крайности в крайность – зимой минус тридцать, летом – то же самое, но со знаком плюс.

Я сидела у окна и, закрыв глаза, слушала шум ливня. Кому-то это может показаться странным, но вой ветра и тяжелые шлепки воды о землю меня успокаивали, навевая полудремоту. Но спать мне пока что не светило – я ждала телефонного звонка.

Впрочем, звонки этим вечером уже были – числом пятнадцать. Но что-либо более-менее внятное я смогла понять только из первого, да и то не совсем. Продолжение следовало, но запаздывало.

Первый звонок раздался полтора часа назад. Не могу сказать, что я была ему очень рада, так как в этот момент принимала ванну.

– Женечка! – разнесся по коридору голос моей тетушки. – С тобой хочет поговорить мужчина с очень приятным баритоном.

– Пусть перезвонит! – крикнула я в ответ, переключив воду с душа на кран, чтобы меня было слышно. – Минут через пятнадцать.

– Это межгород, – уточнила тетушка. – Может быть, выйдешь?

Я накинула халат и выскочила из ванной. Вдруг действительно что-то важное?

– Евгения Максимовна? – раздался в трубке томный говорок.

– Да-да, – откликнулась я, подумав про себя, что у нас с тетей довольно разные представления о приятных мужских голосах.

– Вас беспокоит Костяков Симон Аронович. Мне дал ваш телефон Синицын – помните такого? – и сказал, что к вам можно обратиться.

– Я вас слушаю.

– Дело, Евгения Максимовна, могу сказать сразу, нелегкое, – с сожалением отозвался голос в трубке, – но оплата будет соответствовать степени сложности, могу вас заверить.

– В чем состоит работа?

– Охрана. Постоянная охрана человека, который должен прибыть в ваш город через два дня, – продолжал Костяков. – Хотелось бы избежать возможных инцидентов... Что-то у вас там в трубке трещит?

– Это у вас трещит.

– Да? Вполне вероятно. Алло! Алло! Вы меня слышите, Евгения Максимовна?

– Слышу!

– Алло!.. Я перезвоню...

Костяков действительно попытался перезвонить немедленно, но у него ничего не получилось.

На этот раз нас упорно не хотели соединять – на линии свирепствовали какие-то жуткие помехи, и я с трудом смогла расслышать только очередное костяковское «алло!» и последующее чертыхание.

После третьего звонка (с тем же результатом) я минут десять глядела на молчащий телефон и затем решила продолжить свои омовения. Но эта неодушевленная тварь снова задребезжала, когда я уже готова была влезть в ванную.

Пришлось бежать в гостиную и снова слушать в трубке хрипы и шорохи.

Дальнейшие попытки Костякова закончить наш с ним раз-

говор многое рассказали мне об этом человеке. Сначала он перезванивал через минуту. Потом, видимо, ему надоело накручивать диск или тыкать пальцем в кнопки, и он стал перезванивать по какой-то своей иррациональной временной параболе. Я ради интереса даже засекала время, промежутки между звонками занимали последовательно три, двадцать, одну, шесть, четыре, восемнадцать, снова одну, пять и сорок минут.

Наконец что-то там у них в проводах совместилось, и я вновь обрела возможность оценить тембр голоса Симона Ароновича.

– К вам едет Роальд Голицын! – объявил он мне. – Вы понимаете, что это значит?

Я пожала плечами, хотя и не была видна собеседнику. Почему я должна это понимать?

– Будет лучше, если вы поясните, – предложила я. – В чем заключается проблема?

– Проблема? – тяжело вздохнул Костяков. – В двух словах, даже в одном, если быть кратким – в лице Роальда Голицына.

– Он что, урод?

Последовала пауза.

– Вы телевизор вообще-то смотрите? – осторожно поинтересовался Симон Аронович.

– Бывает, – честно ответила я. – А что, Голицына часто показывают?

– Столичный канал «Экран» у вас ловится? – задал сле-

дующий вопрос Костяков.

– Вроде бы да.

Я подняла к глазам телепрограмму и нашла на одном из дециметровых каналов названный Костяковым «Экран» – развлекуха с местными вкраплениями.

– Включите, пожалуйста, ваш телевизор, – сдержанно попросил Симон Аронович, – и посмотрите немного, а я вам потом перезвоню. Ой нет, лучше я подожду, а то до вас не дозвонишься.

– Тогда ждите.

Я щелкнула пультом, и передо мной засветился экран. Шла какая-то омерзительная юмористическая передача – явно для слабоумных.

– Видите? – раздался в трубке голос Симона Ароновича. – Перед вами сам Голицын.

– Вижу, – только и могла я сказать, не отрывая взгляда от экрана.

Передо мной кривлялся какой-то накачанный бугай, который корчил рожи под записанный на пленку смех «публики». Немного напрягши память, я припомнила, что пару раз видела его в чернушных перестроечных боевиках в роли супермена а-ля русский Рембо.

– Ну вот, – удовлетворенно продолжал Костяков. В его якобы красивом баритоне на порядок прибавилось значительности. – Теперь вы понимаете всю степень ответственности?

Глядя на выкрутасы ведущего юмористической передачи, я не могла разделить пафос Симона Ароновича, но возражать ему не стала.

– Если вы беретесь за эту работу, нам нужно будет обговорить с вами ряд деталей.

Я пододвинула к себе блокнот и принялась записывать. Перечитывая впоследствии исписанные мною страницы, я могла только качать головой, искренне сочувствуя нелегкой участи народных любимцев.

Да-да, Роальд Голицын принадлежал именно к таковым. Как выяснилось, рейтинг этой самой передачи по каналу «Экран» был весьма и весьма высок, а ее ведущий числился среди теперешних тинейджеровских кумиров.

Популярность Голицына равномерно распределялась на две его ипостаси – киноактера и телеведущего. Разумеется, Роальд Голицын предпочел бы и дальше тиражировать однажды удачно схваченный образ на киноэкране, но вы сами знаете, как сейчас обстоят дела с производством новых фильмов, даже приключенческих.

Думаю, что он стал вести юмористическую передачу под названием «Животики надорвешь» не от хорошей жизни, но умудрился преуспеть и на этом поприще. Эту передачу смотрели миллионы зрителей, несмотря на ее довольно низкий уровень.

Что ж, если она помогала хоть кому-то справляться с тяготами современной жизни, от души хохоча возле экрана три

раза в неделю по сорок пять минут, то можно смело констатировать, что определенную пользу своей стране Роальд Голицын приносил.

Но звездная болезнь есть звездная болезнь. Приоритеты, перечисленные Симоном Ароновичем Костяковым, могли бы сделать честь самому Сталлоне, соберись он в наш город с частным визитом, а не только его бледному отражению, каким являлся Роальд Голицын.

Собственно, кинотелекумир собирался в наш город по сугубо бытовому поводу – навестить родителей и поздравить маму с днем рождения.

Голицын, по словам Костякова, был крайне заинтересован в соблюдении инкогнито.

Симон Аронович заверил меня, что Роальд утомлен назойливым вниманием поклонников и поклонниц и не собирается ни встречаться с аудиторией, ни тем более проводить какие бы то ни было вечера со своим участием. Совершенно исключались также любые контакты с прессой – никаких фотографий, никаких интервью. В общем, визит любящего сынка к родителям, проживающим в провинции и издали радующимся успехам своего чада.

– А вы уверены, что к Голицыну будет проявлено внимание, если в городе узнают о его появлении? – спросила я на всякий случай.

Костяков был потрясен моей наивностью. Даже отчасти оскорблен.

– Позвольте ввести вас в курс дела, – начал он свой ответ. Его тон при этом был чуть-чуть снисходительным, чуть-чуть поучающим. – По результатам зрительских опросов Роальд Голицын входит в первую десятку наиболее популярных телеведущих – это данные за прошлый месяц. Как кинозвезда мой подопечный уверенно держится в топ-двадцатке уже почти полгода. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Разумеется.

На самом деле это говорило мне о суммах, которые продюсеры телепрограмм отстегивают подводящим итоги опросов социологам, и об ужасном состоянии отечественной кинематографии.

– Даже в Москве у него бывают проблемы с поклонницами, – доверительно сообщил Костяков. – Ну, сами понимаете, то признания в любви, то угрозы самоубийства, если не придет на свидание. А вот еще прошлой зимой в Петербурге во время эстрадного тура, в котором Роальд принимал участие, так вообще на него с ножом бросались!

– Бедный Роальд, – равнодушно произнесла я. – Скажите, а он в жизни выглядит так же, как на экране? Ну такой же...

«Такой же отвратный», – хотела я сказать, но вовремя осеклась.

– В принципе, – неуверенно произнес Костяков, – так же. Хотя мы временами вынуждены использовать грим. Честно говоря, мало помогает.

– Вот как? Почему?

– Вы не знаете, какие пронырливые и дотошные сейчас поклонницы, – пояснил Костяков. – Это самые настоящие частные сыщики, которые ежесекундно суют свой нос куда не надо.

Я недовольно покачала головой. Сомнительное, однако, сравнение!

– Просто маньячки! – продолжал изливать свое негодование Костяков. – Я действительно подчас думаю, что они платят деньги каким-нибудь детективным конторам, чтобы те следили за их кумирами и передавали информацию о том, где обычно бывает та или иная звезда. И эти, с позволения сказать, астрономы вычисляют траекторию звезды и сообщают ее клиентке. А дальше уже дело техники. Скажем, поклонник-маньяк знает, что звезда должна в девятнадцать ноль-ноль посетить какой-нибудь клуб и при этом будет без охраны. Тут-то ему и раздолье! Хватай и насилуй!

– Даже так? – усомнилась я. – Неужели дело доходит и до такого?

– И это еще не самое страшное! – заверил меня Костяков. – Леннона помните?

Я была вынуждена согласиться с Симоном Ароновичем, хотя случай с одним из великой четверки все же выглядел для меня исключением из правила.

В общем, Костяков меня «накачал» как следует, и минут пять после разговора я пребывала в уверенности, что Роальда Голицына поджидает здесь как минимум неминуемая и

страшная гибель от рук поклонниц-насильниц, и я должна его уберечь во что бы то ни стало.

Но этот запал скоро прошел. Я сварила кофе с корицей и принялась размышлять, совмещая вопрос, который я ставила сама себе, с сигаретной затяжкой, а ответ – с выдохнутой струей дыма.

Начнем с Костякова. Судя по повадкам, этот деятель – старый прожженный волк, наверняка еще с москонцертвской школой. Цену своему Роальду Голицыну он прекрасно знает, но играет «в дурочку».

Цена эта, само собой, выражается вполне определенной кругленькой суммой, которую можно урвать сегодня с имиджа Голицына, а вовсе не являет собой эвфемизм типа «цена его таланта».

Сегодня раскручен Голицын, что с ним будет завтра – еще вопрос, но, поскольку сегодня его «берут» и этот проект оказался удачным, звезду надо поддерживать, чтобы она до времени не шлепнулась с небосвода.

Далее. Этот тип намерен пробыть в нашем городе от силы неделю, максимум – дней десять. Я должна неотлучно находиться при нем и оберегать «приму экрана» мужского пола от нежелательных контактов – так сформулировал мою задачу Симон Аронович.

Уже тут мне сразу видится неувязка, но обычно я не тороплюсь ставить все точки над *i*, чтобы народ не начинал нервничать раньше времени.

«Неотлучно». Как вы себе представляете это в реальности?

Ну встретить в аэропорту, довести до дома. Ну посидеть в прихожей, а то и за праздничным столом – если позволят – во время семейного торжества.

А дальше? Спать на раскладушке возле ложа объекта? Охранять его сон, бодрствуя на собачьей подстилке? Круглосуточно «бдеть»?

Разумеется, все заказчики полагают, что именно так и должно быть. В принципе, это возможно при определенном тренинге, но, господа, будем смотреть правде в глаза – не больше двух-трех суток кряду.

«Попробуйте-ка не поспать неделю – и вас можно с чистой совестью сдавать в сумасшедший дом, где вы будете месяц восстанавливать расшатанное психическое здоровье», – так мне хотелось ответить Симону Ароновичу, но я, повторюсь, промолчала.

Ведь если начать с первых же минут переговоров учить уму-разуму даже не клиента, а его менеджера, то с вами просто не будут разговаривать.

Они чего хотят? Безопасности клиента. Да ради Бога! А уж спать мне или не спать и если спать, то сколько – позволяйте решать самой.

Вот еще вопросик. Какого черта Роальду Голицыну торчать в нашем городке неделю с лишним? Приехал, поцеловал мамочку в щечку, посидел вечерок с родителями – и привет!

День-полтора за глаза хватит.

Сдается мне, что у Роальда здесь еще какие-то дела, о которых мне не сообщается. А это уже достаточно неприятно, поскольку скрывать информацию от человека, который отвечает за вашу жизнь, так же глупо, как врать домашнему доктору или личному адвокату.

Ну ладно, черт с ним, неделя так неделя. Но как быть со словечком «неотлучно»?

Скажем, захотелось звезде-инкогнито немного поразвлечься и проинспектировать здешних дорогих проституток. Звонит он в салон и заказывает девочку.

Ваши действия, бодигард?

Обыскивать по полной программе пищащее на пороге создание?

Тщательно наблюдать за актом и предотвращать любые действия, которые могут нанести ущерб моему клиенту? Держать все под контролем?

А как насчет посещения туалета? Ведь там тоже может скрываться маньяк-поклонник или поклонница!

Впрочем, пора бы и прекратить этот бессмысленный спор с отсутствующим оппонентом – ведь Симон Аронович давно уже положил трубку, а твой кофе, Женя, начал остывать. Выпей его одним глотком, свари себе вторую порцию и закури новую сигарету.

Помещение, в котором предположительно будет уединяться твой объект, можно заранее проверить и подождать

у дверей. А насчет словца «неотлучно» – спросите лучше у самого Голицына.

Держу пари на свой гонорар, что он первый же вззоет от моей «неотлучности» и взмолится о пощаде: «Дайте же мне побыть одному!»

И я дам. Но на самом деле буду рядом – в миллиметре от объекта, но так, чтобы не докучать ему своим присутствием. В этом и заключается один из секретов нашей сложной профессии.

Кстати, о гонораре.

Пятьсот долларов в день – на такой сумме мы остановились с Костяковым.

Вроде не много и не мало, в самый раз. Правда, Симон Аронович сначала решил поторговаться – ведь я заломила сумму в два раза большую.

Если ты говоришь, что твой клиент – суперзвезда, то и гонорары его бодигарду должны быть вполне соответствующими, не правда ли?

Костяков тяжело вздохнул и честно сказал мне, что если бы речь шла хотя бы об Андрее Губине или о ком-нибудь из «нанайцев», то проблем бы не возникло. Но вот за Голицына он столько платить не будет.

В общем, Костяков сначала набивал цену своему протезу, а потом, когда речь зашла о живых деньгах, был вынужден ее снижать.

Короче, сторговались.

Завтра утром я должна встретить самолет с Роальдом и препроводить Голицына в дом его родителей, где тот собирался оставаться до вечера.

Жить кинозвезда-телеведущий намеревался в гостинице. И как уж он тут собирался соблюсти свое инкогнито, я не представляла.

Что ж, будем работать...

* * *

Для начала я позвонила своим приятелям в пункт кинопроката и заказала два фильма с участием Голицына – «Крутая разборка» и «Печальные глаза осени», оба конца восьмидесятых годов.

Ребята из видеопроката не скрывали своего удивления моим заказом и даже поинтересовались, все ли у меня в порядке и не попала ли я в катастрофу, результатом которой могло бы стать сотрясение мозга.

Дело в том, что обычно я смотрю одну за другой голливудские новинки, предпочитая профессионально сделанное массовое кино.

Всю классику я уже пересмотрела не по одному разу, и у меня на полке есть «полные собрания» и Висконти, и Фасбиндера. Их я довольно регулярно освежаю в памяти, но основная пища для моих глаз – кино сугубо американское и европейское. В последнее время, впрочем, сюда можно при-

плюсовать Тайвань и Китай.

Русско-советское кино всегда ограничивалось для меня Тарковским, Муратовой, Сокуровым и еще пятью-шестью именами. Остальное же смотрелось, когда ничего другого под рукой просто не было.

– С головой, господа, у меня все в порядке, – напустив на себя изрядную строгость, ответила я в трубку. – Оставьте ваши дурацкие шуточки при себе и, если не хотите лишиться постоянного клиента, извольте привезти мне на дом заказанные кассеты сегодня же вечером.

Передо мной столь же церемонно извинились, объяснив свою гипотезу относительно моей съехавшей крыши тем фактом, что и «Крутая разборка», и «Печальные глаза осени» за прошедшие два месяца побывали на телеэкране целых восемь раз по разным каналам.

Как ни странно, «Крутая разборка» оказалась заурядной мелодрамой, а «Печальные глаза осени» боевиком по-русски, хотя, судя по названиям, должно быть наоборот. Но Бог им судья.

Да-да, теперь я окончательно вспомнила Голицына: ей-ей Сталлоне! Так же печально смотрит в камеру и несет какую-то хренотень. Весьма физически развит, мог бы сорвать какой-нибудь приз на соревнованиях культуристов. И так же, как Сталлоне, актер никакой.

«Но зато какие глаза!» – парировала это утверждение одна моя знакомая. Что ж, с таким аргументом не поспоришь.

Хотя, мне кажется, что печаль в этих глазах и не ночевала – и у Сталлоне, и у Голицына. Просто тип лица такой от рождения.

У меня был один приятель со столь зверской рожей, что его обходили за версту. А ведь добрейший был человек! Так что про глаза – не надо ля-ля.

Позевывая, я досмотрела до конца оба фильма. Который боевик – туда-сюда, который мелодрама – редкостный отворот. Уж и не знаю, зачем на такое деньги выделяют. Впрочем, если выделяют, значит, так нужно – наверняка там свои ходы-выходы, неведомые простым смертным.

Сюжеты обоих фильмов были донельзя схожими. В первом – «Крутая разборка» – Голицын исполнял роль телохранителя, влюбленного в богатую миллионершу, которая юридически отвечала ему взаимностью то на фоне Останкинской телебашни, то возле другой башни – Эйфелевой. В конце концов, муж героини убивает обоих где-то возле Пизанской башни: влюбленные пытались скрыться в Италии. Башни, видимо, предполагали собой фаллическую символику, а сценарий – как можно больше заграничной натуры, чтобы съемочная группа могла вдоволь покататься по миру.

Во втором фильме – насчет печальных глаз осени – Голицын играл супермена-спецназовца, который влюбляется в бандитку и пытается наставить ее на путь истинный, но в результате оказывается втянутым в грабежи и разбой. В финале оба гибнут под пулями коллег Голицына, не отягощен-

ных нежными чувствами к криминальным дамам. Заграницей тут уже и не пахло, финансирование было не то, и режиссер ограничился крымскими пейзажами – тоже хлеб.

Печальных глаз Голицына в обоих фильмах было с избытком. Одинаково невыразимо тоскливым взором смотрел Роальд и на своих возлюбленных, и на своих врагов. Женщины, наверное, млели.

Помнится, сразу после первого фильма начал складываться своеобразный культ этого актера, да вот как-то не сложился. Причин тому могло быть великое множество, и я решила как-нибудь при случае навести справки по этому поводу – сейчас уже не оставалось времени.

Очевидно, чтобы добру не пропадать даром, Голицына решили репрофилировать и, периодически напоминая населению, что Роальд еще и в кино снимался, перебросили на телевидение.

Уж и не знаю, почему решено было выбрать именно эту юмористическую программу и была ли она создана специально «под Голицына». Герой-любовник-супермен в роли идиота-ведущего – это было довольно крутым поворотом в имидже Роальда, но и тут он пришелся ко двору.

Аудитория, кстати сказать, расширилась. Теперь Роальда Голицына любили не только непополовозрелые киноманки, но и домохозяйки всех возрастных категорий, которые подсели на эту передачу.

Роальд по-своему был даже слегка обаятелен в роли ве-

дущего. Его амплуа можно было определить как «грустный клоун» – у нас таких любят, чтобы сам был печальный, а других смешил.

Напомнив себе, что при случае следует выяснить причину столь резкой перемены образа, я улеглась спать, поставив будильник на шесть часов.

Глава 2

С утра моросил мелкий противный дождь. Я стояла в аэропорту под длинным навесом, медленно, но верно теряющим штукатурку – потолок был покрыт мокрыми пятнами, с которых мерно срывались тяжелые капли.

Самолет запаздывал уже на полчаса, и по всему выходило, что это – не предел.

Встречающих было немного. Рядом со мной под навесом курили двое озабоченных грузин в чересчур легкой для такой погоды одежде и неподвижно стояла мрачного вида девочка лет пятнадцати.

– Свежие газеты! Покупайте свежие газеты! Самая полная телепрограмма! Городские новости, кроссворды, гороскопы, курсы валют, брачные объявления! – как заведенная повторяла через равные промежутки времени продавщица за лотком прессы.

Это монотонное выкрикивание действовало на меня гипнотически. Хотелось подойти и скупить весь лоток только для того, чтобы больше этого не слышать, – иначе можно было заснуть прямо так, стоя.

Я подошла и купила газету. На первой же полосе мне бросилась в глаза заметка, набранная крупным шрифтом и обведенная изящной рамочкой:

«По информации, полученной редакцией из достоверных

источников, в наш город сегодня прибывает Роальд Голицын, известный киноактер и популярный телеведущий. Визит носит сугубо частный характер, и Голицын не намерен принимать участия в каких-либо мероприятиях.

Наша газета обещает читателям наиболее подробный рассказ о пребывании знаменитости в родных пенатах. Следите за дальнейшей информацией!»

Я скомкала газету и выкинула ее в урну. Вот тебе и инкогнито!

Кто раструбил? Утечка информации из Москвы? Разболтали родители?

Впрочем, этого следовало ожидать. Просто я предполагала, что раскрытие инкогнито произойдет по крайней мере на второй-третий день.

– Прибыл самолет рейсом шестьсот шестьдесят шесть из Москвы, – раздался мощный голос дикторши. – Прибыл самолет рейсом...

Я наострила глаза и разглядела самолет, приземлившийся не на центральной полосе, как я рассчитывала, а где-то в отдалении. Пришлось бежать под дождем к отстойнику, расположенному метрах в пятидесяти, – оттуда должны были выпускать пассажиров рейса с номером, который совпадал с числом антихриста, вычисленным в Апокалипсисе.

Сквозь пыльные стекла отстойника я видела летное поле, по которому медленно катил желтый автобусик, набитый пассажирами.

Он неуклюже притормозил возле распахнутой настёж двери. Находившиеся внутри автобуса вынуждены были ухватиться за поручни и друг за друга, чтобы не повалиться вслед за своими вещами – с прицепленных сверху навесов уже летели на пол водруженные туда сумки.

Голицын вывалился из двери, сдержанно матерясь. Он пошарил взглядом в скудной толпе встречающих, демонстративно пожал плечами и направился к отделению, куда должны были доставить багаж.

Роальд Голицын был весь в коже – широкий черный плащ, коричневые брюки, крепкие башмаки. Венчала все это серая широкополая шляпа из того же материала.

Я решила не окликать его прилюдно и быстро последовала за Голицыным, стараясь догнать его – Роальд вышагивал широко, четко, словно солдат, – вероятно, был сильно рассержен.

– Здравствуйте, я Женя Охотникова, – тихо проговорила я, поравнявшись с Роальдом.

Он остановился, посмотрел на меня, чуть сдвинув с переносицы темные очки с широкими круглыми стеклами, и внятно произнес:

– А пошла ты...

Хорошенькое начало!

Мне пришлось ухватить Роальда Голицына за рукав и произнести только одну фразу, чтобы привести бывшую кинозвезду в чувство:

– Передайте Симону Ароновичу Костякову, что наш договор расторгнут.

И демонстративно повернулась к нему спиной, намереваясь отправиться восвояси.

Теперь догонять меня пришлось Голицыну. Впрочем, я позволила ему сделать это, чуть сбавив темп ходьбы. Роальд чуть тронул меня за плечо и, аккуратно приостановив, загородил мне дорогу.

– Миль пардон, мадам! – проронил он, приподняв шляпу с широкими полями. – Я думал, что вы из этих... повернутых фанаток.

– Извинения принимаются, инцидент исчерпан, – довольно сухо сказала я Роальду. – Давайте-ка вернемся за вашим багажом.

– Я не думал, что вы окажетесь... э-э... женщиной, – пояснил Роальд, пока мы возвращались к багажному отделению. Костяков сказал, что меня встретит охранник Женя, ну и я подумал, что будет мужик.

– Вы разочарованы?

– Н-ну почему? – прищелкнул языком Голицын. – А вы справитесь? Шучу-шучу...

Когда два чемодана были транспортированы пыхтящим носильщиком к моему автомобилю, произошел довольно любопытный эпизод.

Роальд распахнул дверцу жука – «Фольксвагена» и уже занес ногу, как неподалеку – из кустов справа – я заметила

мгновенное зарево фотовспышки.

Кусты зашуршали и смолкли. Тут же послышался шум мотора и промелькнул мотоцикл, оседланный молодым человеком, лицо которого скрывал шлем.

– Вас сфотографировали, – мельком заметила я, садясь за руль.

– Как? Кто? – недовольно сморщился Роальд. – Что все это значит?

– Как? Фотоаппаратом, вон из тех кустиков. Кто? Парень с мотоциклом. А все это значит, что из сегодняшних газет жители области узнали о вашем приезде, – ответила я, вырывая на магистраль.

Голицын театрально застонал, прижав пальцы к вискам. Затем снял очки, протер покрасневшие глаза и, прильнув к стеклу, начал рассматривать местность, по которой мы проезжали, комментируя увиденное:

– О, как тут все отстроили! Не узнать! Смотрите-ка, и «Мост-банк» у вас есть!

Он обернулся ко мне и серьезно спросил, поглядев мне прямо в глаза:

– А ведь меня могли не только сфотографировать. Оптический прицел, глушитель – и все. Пишите письма на тот свет.

– Ну зачем же так мрачно? – отозвалась я. – Вас любят. А тех, кого любят, убивают редко. Это нетипично для наших широт.

– Вы просто не знаете, – снисходительно покачал головой Роальд. – Даже не представляете себе, в какой клетке нам приходится жить.

– За все надо платить...

– Что? Ах да, конечно! – Роальд снова вернулся к изучению законных пейзажей.

Сосредоточенно рассматривая проносившийся мимо город, Голицын походил на иностранца, которого черт занес в деревушку, где он имел несчастье когда-то родиться – давным-давно, почти в другой жизни.

– Роют и роют, – сокрушенно покачал он головой, когда мы осторожно проехали мимо неогороженной канавы. – А потом дома падают.

– Они не только падают. Они еще и взрываются, – добавила я.

– У вас тоже? – недоверчиво спросил Роальд. – Хм, однако, тенденция...

Мы миновали спуск и теперь неслись по шоссе, выходящему на центральные улицы города.

– Нам куда? – осведомилась я, тормозя у светофора. – Как я понимаю, к родителям.

– Угу, это вроде недалеко, – кивнул Роальд. – Сейчас я посмотрю...

Он порылся в своей сумке и достал органайзер, из которого извлек помятый листок.

– Коммунистическая, шесть, – торжественно произнес

он. – Кажется, в центре?

– Уже Столыпина, – отозвалась я, вырубивая налево и направляясь в район набережной. – Пять лет как переименовали.

– Правда? – удивился Роальд. – Что ж, похвально. А у нас только в исторической части города прошлись по названиям, дальше руки не дошли.

– Вы, видимо, давно не бывали в наших краях? – острожно спросила я.

– Года два или три, – рассеянно ответил Роальд. – А что?

– Так... А что же вас на этот раз потянуло? Ностальгия заела?

Голицын даже расхохотался. Впрочем, смех быстро затих, и Роальд уставился на меня с явным неодобрением – он вспомнил, кто я по статусу.

– Слушайте, а почему вас это вообще интересует? – раздраженно спросил он. – Почему я должен вам что-то объяснять?

– Да нет, как хотите, – спокойно пожала я плечами. – Мне, в общем-то, все равно.

– Вы ко мне приставлены, вот и охраняйте, – не без легкого хамства в голосе произнес Голицын. – А как да почему – не ваше дело.

Роальд откинулся на сиденье, недовольно осматривая салон автомобиля.

– Это у вас что, служебная? – ткнул он пальцем в потолок

автомобиля.

– Я не служу, – коротко ответила я, подруливая к дому. – Личная собственность.

Теперь Голицын оценивающе посмотрел на меня, как бы прикидывая, сколько я стою.

– Н-да, – хмыкнул он. – Надо сказать, что Симон Аронович человек довольно эксцентричный. Не буду скрывать, что я предполагал нечто иное...

– Десяток автоматчиков и кортеж из «Мерседесов»? – повернулась я к Голицыну, тормозя у подъезда. – Что ж, перезвоните своему Костякову, пусть переиграет. Мобильник у вас имеется?

– Нет, – мрачно буркнул Голицын, приоткрывая дверцу. – Специально с собой не взял, чтобы не беспокоили всякие-разные...

Он вылез из машины и обомлел. Первым желанием Роальда было нырнуть обратно и умотать отсюда как можно скорее, он даже сделал шаг назад – но было уже поздно. Слишком поздно для отступления.

Словно из-под земли возникли три пожилые женщины, одетые в нечто парадно-цветастое. Стоявшая впереди поклонилась и протянула Роальду каравай с солонкой, водруженной на вершину хлеба.

– Милости просим, Ромочка! – хором проговорили стоявшие рядом дамы.

– Хлебушек вкусный, сами пекли, в американской печ-

ке! – с гордостью сказала дама с караваем. – Берите, не стесняйтесь!

Роальд Голицын с нескрываемой ненавистью посмотрел на импровизированную делегацию, потом на меня. Уже открыл рот, чтобы смачно послать всех подальше, но, видимо, вспомнил о родителях – ведь им пришлось бы потом извиняться перед соседями.

Да и народ начал понемногу подтягиваться – вокруг нас уже стояло человек десять, включая любопытствующих детей и старушек.

Роальд выдавил из себя улыбку, быстро отщипнул ломоть каравая, запихнул себе в рот и ринулся в подъезд. Я едва успела опередить его, и правильно сделала – дорогу пришлось расчищать.

Голицын сплюнул непережеванный мякиш сразу за дверь и, подняв голову, тихонько завыл, словно зверь, который попался в капкан:

– О-о-о! И зачем я только сюда приехал! Послал бы телеграмму...

Я схватила Роальда за руку и повела его вперед, проталкиваясь между стоящими у стены и у перил людьми. Казалось, встречать Голицына высыпал весь дом, сгруппировавшись в одном подъезде.

Откуда-то сверху свисали головы любопытствующих, вытянувших шеи с верхней площадки, под ногами мельтешили дети и кошки. Роальд шел, втянув голову в плечи, а улыба-

лась за него я.

Вообще, подобное скопление народа бывает разве что на похоронах – и дверь квартиры открыта, и народ на лестнице тусуется.

Мы достигли площадки пятого этажа, где нас уже ждали с распростертыми объятиями.

Сказав «нас», я отнюдь не оговорила. Народ, видя, как я буквально тащу за собой Роальда, мгновенно сообразил, что я не абы кто, а его подружка или невеста, и быстро передал по беспроводному телеграфу эту новость до самого пятого этажа.

Так что матушка Роальда, пышнощекая толстушка лет шестидесяти, обняла меня так же крепко, как свое чадо, и даже трижды чмокнула в щеки.

А от ее благообразного супруга – статного строгого мужчины с седыми бакенбардами – я удостоилась крепкого рукопожатия.

– Иван Абрамович, – сдержанно представился глава семейства. – А это моя дражайшая половина, Василиса Гавриловна.

Он указал чуть дрожащей рукой на супругу, которая от счастья лицезреть своего обожаемого сынка на время потеряла дар речи.

– Очень приятно. Женя, – деловито сказала я. – Рада, что у Роальда такие симпатичные родители. И вообще – спасибо вам за теплый прием.

Голицын стоял как в воду опущенный. Первоначальный импульс раздражения, не находивший себе выхода, уже испарился, и теперь Роальд перешел во власть нового чувства – он был растерян и не знал, как себя вести. Еще чуть-чуть – и Голицын окончательно смирился бы с происходящим, махнув на все рукой, стал бы с утра до ночи пить водку с соседями и раздавать автографы.

Я поняла, что пора брать ситуацию под контроль, и немедленно принялась за дело.

Я буквально сгребла в свои объятия Василису Гавриловну и Ивана Абрамовича – взяла их обоих под руки и на минуту уединилась с ними в коридоре квартиры, – предстояло дать им верную установку.

– Роальду очень приятно, что он пользуется таким спросом... я хотела сказать – такой любовью. Но, видите ли, ваш сын очень устал. Сейчас не время для пышных торжеств. Он хотел бы отдохнуть с дороги в кругу семьи, без посторонних. Вы понимаете меня? А большой прием можно было бы устроить потом, как-нибудь на неделе.

– Ой, конечно! – немедленно согласилась со мной Василиса Гавриловна. – Как же это я... Ромочке же отдохнуть надо, ванну принять...

– На диванчике полежать и с мамой-папой побеседовать, – охотно поддакнула я. – Так что тактично рассредоточьте народ, хорошо?

– Вас понял, – по-деловому среагировал Иван Абрамович

и приступил к действиям, как заправский военный, тесня народ вон из квартиры.

Я поймала взгляд Роальда и уловила в нем благодарность. Для начала неплохо – контакт установлен, а дальше само пойдет.

Когда коридор опустел, а Голицына с Роальдом еще толклись возле двери, я незаметно прошла в квартиру и придирчиво осмотрела помещение.

Не обнаружив ничего подозрительного, я вернулась к Роальду и, строго-настрого приказав ему никуда не выходить и никого – кроме меня – не впускать, спустилась к машине за вещами.

Под перекрестным обстрелом взглядов оккупировавших лавочки старушек я вытащила из своего «Фольксвагена» голицынские чемоданы и в одиночку доперла их на пятый этаж. Впрочем, они оказались не такими уж тяжелыми, и я начала думать, что носильщик в аэропорту заломил лишнего за доставку вещей к автомобилю. Ну да ладно, дело прошлое. Да и платил ведь Голицын!

Когда я вернулась в квартиру, то с удивлением обнаружила, что мое распоряжение не выполнялось – в гостиной стало на одного человека больше.

– А это кто? – спросила я вполголоса, указывая на грузную женщину, молчаливо сидящую за накрытым праздничным столом.

– Это? – переспросила Василиса Гавриловна. – Это тетья

Паша Паршина.

– Тетя Роальда? – поинтересовалась я на всякий случай. –
Ваша сестра?

– Нет, просто соседка из квартиры напротив, – ответила
Голицына.

– Ну и?.. Может быть, ее тоже переориентировать на дру-
гой день?

Голицына замялась.

– Видите ли... В общем... Можно ей остаться вместе с
нами?

– Если Ромочка не возражает, – поддакнул супруге Иван
Абрамович.

– Да черт с ней, с тетей Пашей, – устало произнес Роальд. –
Ой, то есть я хотел сказать: конечно, пускай остается.

– Ну вот и славно! – восхитилась Василиса Гавриловна. –
А я сейчас пирог принесу.

Она заспешила на кухню и вскоре вернулась оттуда, неся
на вытянутых руках огромный поднос, укрытый – для сохра-
нения тепла – полотенцами.

И началось!

Обед плавно перетек в ужин, блюда сменялись одно за
другим, готовка была домашней, а значит – сытной и распо-
лагающей к отрешенному созерцанию.

Водку подсластили рябиновым сиропом, и пилась злодей-
ка легко, быстро и весело, так что народ разомлел уже ко
второй бутылке. Я чуть пригубила из первой рюмки, да так

и отпивала по глотку с каждым тостом, так что напоить меня у хозяев не получилось.

Впрочем, в этом отношении усердствовал лишь Иван Абрамович, а Василиса Гавриловна, наоборот, всячески поддерживала мое трезвое настроение.

– И правильно, голубушка, не надо вам, молодым, пить, – поучала она меня, опрокидывая очередную рюмку. – Это нам, старикам, простительно...

Несмотря на «неформальную» атмосферу, некоторая напряженность все же чувствовалась, и вскоре я поняла, что причиной тому – мое присутствие.

Более того, эта временами витавшая в воздухе гостинной Голицыных неловкость была как-то связана с соседкой тетей Пашей.

Когда, после второго блюда – и перед десертом, который обещал включить в себя торт, варенья, желе, мармелад, конфеты и домашние пряники плюс пирог с курагой и ватрушка типа «лимонник» – мы вышли с Роальдом на балкон покурить, я поинтересовалась у него:

– Чем вызвано такое привилегированное положение тети Паши?

– Так она тут вроде доброго домового, – рассеянно ответил Голицын.

Роальд изрядно нагрузился – и пищей, и водкой, – заметно порозовел, подобрел и как-то вдруг обрюзг. Его хваленые мускулы бывшего качка теперь казались жировой прослой-

кой – тем более что солидный животик у кинотелезвезды и действительно уже намечался.

– Знаешь, – незаметно перейдя на «ты», продолжал Голицын, – она как бы на все руки мастер. Ну там починить что или в аптеку сбежать. В общем, как бы незаменимый человек...

Я заметила, что Роальд непроизвольно употребляет московское прилипчивое «как бы» буквально через слово, к месту и не к месту.

Раньше на эту роль претендовали словечки «в общем», «так сказать» – у более-менее образованных слоев и традиционное «бля» – у гегемонов.

Теперь времена изменились, и на фоне тотальной «вирты» – виртуальной реальности, – несущей в себе некоторое сомнение в правдивости и достоверности бытия, воцарилось это «как бы».

Казалось бы, ничего особенного. Но на самом деле речь превращалась в некое подобие мерцающей неуверенности в реальном мире, о котором говорил человек: «я как бы пришел», «как бы все получилось», «как бы честный и знающий политик»...

Говорят, что более тонкие на слух люди взбунтовались и теперь пытаются ввести в оборот замену «как бы» на четкое и безоговорочное «на самом деле» или в качестве варианта – «по правде».

Но слова-паразиты не приходят и не уходят по желанию

того или иного слоя населения. И пока все шло как бы по-старому.

– Тетю Пашу я как бы знаю с детства, – меланхолически произнес Роальд, стряхивая пепел в пустой горшочек из-под цветка, – и дочку ее Маргариту припоминаю. Такая черненькая... Мы еще с ней играли всяко-разно, пока меня в другую школу не перевели...

«Что ж она с собой дочку-то не прихватила?» – сразу же подумала я.

Тетя Паша, надо сказать, производила впечатление довольно загадочное.

Она чем-то напоминала мне скифскую бабу – каменное грубое изваяние, которое раньше украшало развилки дорог, теперь – залы краеведческих музеев. Такая же грузная, некрасивая, себе на уме, сидела тетя Паша за праздничным столом Голицыных, словно ожившая скульптура из доисторических времен.

Соседка с удовольствием ела и пила, но, казалось, она чувствует себя на порядок выше и значительнее, нежели хозяева. Нет-нет, она была вполне приветливой и довольно говорливой, в ее речи не проскальзывало ничего такого, что бы могло подтвердить мое впечатление. И тем не менее я ощущала это вполне явственно. А своей интуиции я привыкла доверять.

– А-а, вот вы где уединились! – хлопнула балконная дверь, и на пороге появился Иван Абрамович. – Пока суд да дело,

пока чаек греется, решил тут с вами поболтать. Не помешаю?

Я слегка потеснилась – балкон был узенький, с какими-то низкими перилами, так что делать резких движений тут не рекомендовалось.

– Оп! – ловко протиснулся между нами Голицын-старший.

Он прикурил длинную папиросу «Три богатыря», предварительно смяв мундштук, и, отщелкнув спичку вниз, с неодобрением посмотрел на собственный балкон. Потрогав перила, он пояснил:

– И строят же, мать иху за ногу! А помнишь, Ромка, когда ты еще маленький был, мы тут загородку ставили, чтоб ты промеж прутьев не свалился? А когда подрос, то после выпускного так, прости Господи, блевал, перегнувшись через перила, что тебя мать схватила сзади за ремень, а то б вывалился на фиг.

– Вы как бы преувеличиваете, папа, – сухо ответил Роальд.

– Да ладно! – Иван Абрамович крепко хлопнул его по плечу. – Ты мне вот что лучше скажи: вы как, расписаны уже или просто?..

– Вы про кого? – нахмурился Роальд, с трудом понимая вопрос отца.

Я пришла ему на помощь.

– Иван Абрамович говорит обо мне, – спокойно вмешалась я. – Думаю, нам пора прояснить эту ситуацию, чтобы не

возникало двусмысленности. Дело в том, Иван Абрамович, что я и Роальд не находимся между собой в близких отношениях. Скорее, их можно назвать деловыми. Роальд может рассказать подробнее, если захочет.

– Не захочет, – лениво произнес Голицын-младший. – Во всяком случае, сейчас.

Я намеренно не стала распространяться насчет моего статуса при Роальде. Объяснять папе с мамой, что ее сына может охранять и заботиться о нем кто-то, кроме них самих, – заведомо гиблое дело.

– А-а, так вы, значит, коллеги! – воскликнул Иван Абрамович. – Ну что ж, это в корне меняет дело. Оч-чень даже меняет.

– Это еще почему? – вяло осведомился Роальд. – Тебе-то какая разница?

Иван Абрамович хитро подмигнул и зашептал, оглядываясь на дверь.

– Там старухи сейчас об этом самом судачат, так что я большой тайны не выдам, если скажу, что Маргариту – дочку тети Пашину – тебе обрекли.

– Как? – так же вяло поинтересовался Роальд, но тут же встрепенулся: – Постой-постой, ты что же имеешь в виду, отец? Что значит «обрекли»?

– Ну, – с усилием подбирая слова, объяснял Иван Абрамович, – значит, присмотрели. Понимаешь, она поет здорово, все соседи тебе это подтвердят, да ты и сам скоро услы-

шишь. Она ведь в музыкальную с семи лет ходила, потом в хоре пела...

– В хоре? – с ненавистью повторил Роальд. – Ну и что, что в хоре?

– Так помочь надо! – уверенно произнес Голицын-старший. – Протолкнуть дарование на экраны там, на эстраду. У тебя же связи есть...

– Я не понимаю! – взвился Роальд. – Нет, я просто отказываюсь понимать, почему я должен проталкивать какую-то дочь тети Паши только потому, что она пела в хоре? Может, она еще и плясала?

– А как же! – с готовностью подтвердил Иван Абрамович. – И мазурку, и...

Он не успел договорить.

В воздухе раздался свист, и возле наших лиц пронеслось нечто, вонзившееся в зазор между кирпичами да так и оставшееся там покачиваться.

...Я неоднократно пыталась понять, от чего зависит быстрота реакции в том или в другом случае. Анализируя свой опыт, я поняла со временем, что главное – опередить события на долю секунды. Только так можно предотвратить, казалось бы, неизбежное.

Тут важно не думать, а, лишь почуввав опасность, действовать, повинувшись инстинкту. Который, кстати, врожден лишь отчасти, во всяком случае, у меня. Да-да, оказывается, можно развивать инстинкт, как бы дико это ни прозвучало для

ученых.

Во время занятий в разведшколе у нас существовали специальные методики «спуска под воду» – так называли инструкторы полугипнотическое состояние, в которое вводили учениц.

Ты словно бы год за годом, десятилетие за десятилетием, век за веком отсчитываешь назад, все глубже и глубже погружаясь в первобытную память.

Потом требовалось очень сознательно пережить некоторые моменты, которые тебе внушали те же инструкторы. Обычно эти моменты были связаны со смертельной опасностью или с необходимостью мгновенно реагировать на опасность, уметь чувствовать ее приближение.

Самое удивительное, что когда ты «просыпался» после этого гипнотического сна, то помнил лишь какие-то обрывки видений, невнятную кашу, которую пересказать человеческими словами было невозможно.

Но в подкорке уже оставался необходимый механизм так называемого быстрого реагирования. И в дальнейшем, независимо от того, помнишь ты что-либо из этих опытов или нет, но на практике действуешь всегда правильно, умело и отлаженно.

Любопытно то, что на самом деле нас не учили этому, а именно использовали уже заложенные в человеке скрытые резервы его психики, которые просто нужно было активизировать...

Я не думала и в этот раз. Не спрашивала себя, стоит ли действовать, и не анализировала ситуацию. Мой безошибочный внутренний компьютер сделал это за меня, послав резкий сигнал об опасности, и мне оставалось лишь подчиниться его команде.

Да, я могла бы оказаться смешной, попасть в неловкое положение, стать предметом насмешек. Пусть так. Это все же лучше, чем потом проливать слезы над бездыханным трупом клиента и потерянным гонораром.

Поэтому, едва мое ухо уловило этот мерзкий свист – даже самое его начало, всего лишь нарастающее колебание воздуха где-то вблизи, – я со всей силы втолкнула Роальда внутрь квартиры, буквально опрокинув его через высокий порог в комнату.

Голицын, не ожидавший от меня таких действий, бухнулся оземь, то есть о разохшийся паркет, и негромко, но внятно выматерился.

Пока он принимал вертикальное положение, а из кухни в зал спешили услышавшие шум женщины, я с силой выдернула стрелу из зазора между кирпичами и показала ее оторопевшему Ивану Абрамовичу.

– Ну дают! – только и охнул он. – Вот дела! Мать честная!

– Кто? – спросила я у Голицына, внимательно осматривая трофей.

– Что «кто»?

– Кто «дает»? – уточнила я. – Вы сказали: «Ну дают!» Зна-

чит, вы предполагаете неких лиц, которые могли бы совершить это действие.

– Так хулиганье!

– Да? – скептически скривила я рот. – Почему вы думаете, что это хулиганы?

– Так кому же еще в голову придет стрелами по балконам пуляться?

– Что, это не в первый раз? – вздохнула я. – Раньше уже такое было?

– Нет, конечно, – заверил меня Голицын-старший. – Еще чего не хватало.

– Богатое, выходит, хулиганье сейчас развелось, – иронически констатировала я, демонстрируя Ивану Абрамовичу стрелу. – Видите, какой прочный металл? А перышки из пластмассы? Такая штука в спортивном магазине долларов на пятьдесят потянет.

– Да ты что?

– Точно вам говорю, – кивнула я. – А откуда стреляли, повашему?

– Ну с балкона какого-нибудь, – Иван Абрамович неуверенно обвел рукой по окружности. – Сейчас спрятались, небось, хихикают.

– А мне так сдается, что стреляли снизу, – вздохнула я. – Думаю даже, что примерно вон из тех зарослей. Видите посадки слева?

Я показала Голицыну на ряд березок, перемежающихся

высокими кустами дикой смородины.

– Вижу... – недоуменно произнес Иван Абрамович. – Посадки как посадки.

– И тем не менее, – продолжала я, – стреляли именно отсюда.

– С чего вы взяли?

– Траектория полета стрелы, – пояснила я. – Она вошла в кладку снизу вверх.

Я продемонстрировала Голицыну-старшему углубление между кирпичами, для убедительности засунув в дырку сигарету, – она вошла под углом.

– Кстати, если бы Роальд оставался на этом месте, стрела впилась бы ему в горло под подбородком и застряла в середине черепа.

Пока Иван Абрамович сокрушенно качал головой, призывая все кары небесные на «распоясавшееся хулиганье», в гостиной уже шло совсем другое кино.

Подвыпившие старушки – они, оказывается, пока шушукались на кухне, раздавили на двоих поллитру смородиновой настойки – утешали Роальда, который безуспешно от них отбивался.

– Ни слова про стрелу, – успел прошептать нам с Иваном Абрамовичем Роальд, когда мы вернулись в комнату. – Не надо беспокоить маму.

А Василиса Гавриловна с тетей Пашей, как две клушки над только что высиденным цыпленком, хлопотали над рас-

простертым на диване Роальдом.

Оказывается, Голицын во время падения умудрился слегка подвернуть себе ногу и набить синяк на скуле, к которой теперь и прикладывались невесть зачем сохраненные с советских еще времена пятаки.

Поймав на себе злобный взгляд тети Паши и заметив неодобрительное покачивание головой Василисы Гавриловны, я поняла, что старушки думают, будто у нас с Роальдом приключилась размолвка и я в сердцах дала Голицыну-младшему хорошего пинка.

Понятно, что такое обращение было не по сердцу ни Голицыной, ни ее соседке. А когда они узнали, что я Ромочке не жена, не любовница, а всего-навсего коллега по работе, то отношение ко мне двух этих женщин быстро и круто переменялось.

Теперь я стала чем-то вроде нежелательного довеска, балласта, который по неизвестным причинам – скорее всего, по мягкости характера – таскает с собой их обожаемый и ненаглядный Ромочка.

«Вот девки нынче пошли, – услышала я с кухни громкий шепот Василисы Гавриловны, когда пожилые „девочки“ в очередной раз уединились (формальный повод – подогреть в духовке пирог, фактический – пропустить еще по рюмашке). – Ничего духовного на роже не написано, прям как мужики. И рукам волю дают, и дымят, как паровоз. А ей ведь рожать! Уж лучше бы пила, все для здоровья полезнее! Не-

ет, Паша, твоя ей не чета!»

Сам же Роальд, по причине естественного для звезды его ранга эгоизма, не замечал происходящих перемен и был занят исключительно своей подвернутой лодыжкой. Меня он даже не поблагодарил, а о стреле – то ли забыл, то ли решил отложить разговор на потом.

Иван Абрамович к завершению обеда уже порядком набрался и изъясняться мог только односложными словами, так что поддержки с его стороны я тоже не получала. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что Голицын-старший периодически обращался ко мне с многозначительным возгласом: «Ну... ты не того...» – и пытался потрепать рукой по колену, очевидно, стараясь меня ободрить.

А вскоре появилась и сама Маргарита – дочка тети Паши, наперсница юных дней Ромочки, певунья и плясунья, черт бы ее побрал!

Девушка оказалась розовощекой дылдой с весьма вульгарными манерами. Настолько вульгарными, что, напрягись Роальд чуток, и прочное место на российской эстраде было бы ей обеспечено.

Я попыталась было внушить Роальду, что в целях безопасности не стоит увеличивать в квартире количество посторонних людей, напоминала ему про стрелу, которая чуть не впилась ему в горло, но Голицын с целью «поправиться» успел пропустить несколько рюмок из очередной бутылки, и теперь ему уже было все равно. Он лишь тупо ухмылялся и

пожимал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.